

Жизнь и необычайные приключения писателя Войновича (рассказанные им самим)

31

№82
(1720)13
мая
2005

РОМАН И ГАЗЕТА

НОВЫЕ ИЗВЕСТИЯ.ights

Глава одиннадцатая

Я гимны прежние пою

Союз нерушимый

Моя жена говорила (наверное, сама где-то это утверждение вычитала), что ассоциативное мышление – низший вид мышления. Если так, то можно считать, что низшим видом я вполне овладел. Рассказав в прошлый раз о том, как мы с отцом в декабре 1943 года прочли в «Правде» текст нового советского гимна, я по цепи ассоциаций перебрался в другие годы и вспомнил, как этот гимн раздражал меня во время моей четырехлетней службы в армии. Каждое утро в шесть часов оглушительные звуки гимна совпадали с командой «Подъем!». Представьте себе, вам девятнадцать лет, вы в казарме разоспались (а под утро сон самый сладкий), снятся мама, младшая сестренка, луг с ромашками и еще что-то пасторальное, и вдруг залп по барабанным перепонкам: «Союз нерушимый...»

Тьфу, чтоб ты провалился! Говорят, при звуках гимна полагается вставать и стоять «смирно». Какое там «смирно»! Надо вскочить, натянуть штаны, намотать портянки и через сорок секунд уже в строю слушать не гимн, а команды старшины. Гимном по утрам будили всех эзков, поэтому не могла эта песня им нравиться, но и среди других людей я не встречал никого, кому приятны были бы эта музыка и эти слова и кто бы помнил их наизусть (за исключением отдельных строк, вроде «нас вырастил Сталин...»). Гимн был неживым, но оказался живучим. Он пережил периоды насмешек, отмены и забвения. После XX съезда КПСС музыка гимна исполнялась без текста и называлась шутниками «песней без слов». В 60-е годы в негласном конкурсе на новый гимн приняли участие самые видные поэты: Сурков, Исаковский, Твардовский, Симонов. Их тексты печатались в той же «Правде» под рубрикой «Песни о Родине», но ни один не был одобрен хрущевским руководством.

В застойном 1970 году расторопный Сергей Михалков без творческих мук и нравственных усилий по заданию Политбюро ЦК КПСС легко приспособил старое сочинение к новым условиям, выбросил из текста любимого Сталина, а из соавторов Габриэля Эль-Регистана. В этом варианте нас выращивал уже не Сталин, а Ленин. Кстати, после сочинения нового, уже российского, гимна Михалковы Сергей и Никита публично утверждали, что Эль-Регистан никакого отношения к прежнему тексту вообще не имел. Ну да, этот человек был не поэтом, а журналистом, но если «не имел», то кто и с какой целью его вписал в авторы? Сталин, что ли?

Можно долго гадать, но нужно ли, когда есть авторитетный свидетель совместности этой работы, и свидетель этот – сам Сергей Михалков. В своей книге «Я был советским писателем» (1995 г.) он пишет об Эль-Регистане с большой любовью и соавторства его не только не отрицает, но подчеркивает, что идея написать вместе гимн принадлежала именно Эль-Регистану. «Мы, – пишет Михалков, – были близкими друзьями, такими, о которых говорят, что они и часа не могут обойтись друг без друга». Однако «близкий друг» и при первой перелицовке оказался лишним, как и Сталин. В той же книге Михалков пишет о событиях 1991 года: «И вот в одночасье развалилась Советская империя!.. Рухнул «Союз нерушимый», похоронив под своими обломками, казалось бы, незбываемые структуры партийно-государственного аппарата с его равнодушной к судьбе человека правоохранительной и карательной системой, прогнившей экономикой, «развитым социализмом» и призрачными коммунистическими идеалами». Трезво решил Сергей Владимирович и то, что его текст уже не приложим к новой жизни: «Действительно, какая уж сегодня «дружба народов»? Какая «сила народная»? Какой «Союз нерушимый»?

Для пользы общества

«Какой гимн?» – думал я в 2000 году, когда пошли разговоры о возможном создании новой государственной песни. Гимн, можно сказать, это визитная карточка государства. По нему можно себе представить, какими это государство обладает особенностями, чем отличается от других и какие цели преследует. Я вспоминал разрозненные слова разных гимнов от «Боже царя храни» до «Еще Польша не сгинела» или «Ще не вмерла України». Все они, включая «Интернационал» и даже тот сталинский вариант, так или иначе выражали суть и цели восплаемого государства. А о чем нам петь, если

мы до сих пор не осознали, кто мы такие и куда идем? Государство наше, постсоветское, тогда, пять лет назад, еще практически не сложилось. Если оно строит капитализм, то как можно держаться за символы системы, считавшей борьбу с капитализмом своей задачей? Если оно поощряет религиозное возрождение, то допустимо ли при этом поклоняться мощам разрушителя церквей, убийцы многих тысяч священников и расстрельщика царской семьи? Если нашим недавним прошлым можно гордиться, то зачем мы сейчас идем совершенно в другую сторону?

Спешка с созданием нового гимна не понравилась многим. Особенно когда стало ясно, что это будет просто переделка из переделки, которую произведет все тот же Сергей Михалков. Хотя при этом что-то невнятно говорилось о конкурсной основе, но «конкурс» ожидался примерно такой же, как теперешние «выборы» губернаторов. Затея была явно неудачная. Что можно было хорошего сказать о тексте совершенно пустом, не имеющем никакого реального содержания? Только общие слова: «Россия священная», «храпимая Богом», «гордимся тобой». Наиболее точным мне показалось заключение безымянного интернетовского эксперта: «Славословия, адресованные России... звучат очень фальшиво. Данный вариант гимна расценивается как скоропалительная халтура. Никакой пользы для общества от него нет, а скорее, даже наоборот». В те дни, желая принести обществу пользу, я предложил ему альтернативный вариант гимна собственного сочинения.

Смешное и смехотворное

Есть высказывание, которое только кажется парадоксальным: смех дело серьезное. Но это вовсе не парадокс. Очень многие человеческие дела, претендующие на серьезность, проверяются на прочность именно смехом. Если дело в основе своей по-насто-

ящему серьезно, его высмеять невозможно. Если возможно, то надо подумать, действительно ли оно так серьезно, как кажется. Признаюсь, я очень плохой патриот и не всегда уважаю то, что одобряется высшим начальством. За что иногда удостоиваюсь проклятий патриотов хороших. Особенно мне достается от них, когда я смеюсь над тем, что они почитают своими святынями. Но господ патриотов хороших я уверяю, да вряд ли смогу убедить, что истинно святое осмеянию не поддается. Осмеянию легко поддается пошлое и ханжеское, когда оно выдает себя за святое. Да, я плохой патриот, но мне не хотелось, чтобы у

Говорят, при звуках гимна полагается стоять «смирно». Какое там «смирно»! Надо вскочить, натянуть штаны, намотать портянки и потом уже, стоя в строю «смирно», слушать не гимн, а команды старшины. Гимном СССР по утрам будили всех эзков, поэтому не могла эта песня им нравиться, но и среди других людей я не встречал никого, кому приятны были бы эта музыка и эти слова...

моей страны был гимн, достойный насмешек. Я сел за компьютер и добросовестно, хотя и быстро совместил разнородные современные реалии, представления разных людей о нашем прошлом, настоящем и надеждах на обозримое будущее. Написал и предложил газете «Известия» такое:

«Распался навеки Союз нерушимый
Стоит на распутье великая Русь,
Но долго ли будет она неделимой
Я этого вам предсказать не берусь...».

Кажется, после «Чонкина» у меня не было такого читательского успеха. Текст разлетелся по Интернету – самиздату нашего времени. Мне звонили люди, знакомые и незнакомые. Были отзывы всякие, но в основном одобрительные и даже восторженные. При этом я не был настолько самонадеян, чтобы думать, будто исключительно художественные достоинства моего стихотворения были приняты во внимание. Успех объяснялся тем, что я попал в точку. Конечно, по очевидным признакам мой текст можно считать сатирическим. Но сатира, как сказано в одной из энциклопедий, это «уничтожающее осмеяние явлений, которые представляются автору порочными. Средства сатиры: ирония, сарказм, гипербола, гротеск». В моем варианте ирония и сарказм присутствовали, но гипербола и гротеск мне не понадобились, ибо сама задача была гротесковой. Разве, когда я пишу, что «спустившись с вершин коммунизма, народ под флагом трехцветным, с орлом двухголовым и гимном советским шагает вразброд», это гипербола? Или: «Сегодня усердно мы

Господа славим и Ленину вечную славу поем» – это гротеск? В гимне обычно кратко излагается прошлое, настоящее и ставятся задачи на будущее, которые я выразил так, как это обещают наши законодатели и законоисполнители: «Всем выдадим все: офицерам квартиры, зарплату рабочим, почет старикам, а злых террористов замочим в сортире, во-рам олигархам дадим по мозгам». То есть, если говорить чисто формально, я вложил в гимн все, что полагается: обобщил пройденный страной путь, оценил настоящую ситуацию и наметил главные перспективы. Но все-таки я, разумеется, считал свое стихотворение шуткой, и звонок Сергея Юшенкова был для меня неожиданным.

– Владимир Николаевич, – сказал он мне по телефону, – вы не будете возражать, если я предложу нашей Думе принять ваши стихи в качестве текста государственного гимна России?

– Сергей Николаевич, вы шутите?

– Почему? Я считаю ваш вариант действительно более подходящим и отвечающим современному состоянию России. А вы разве так не считаете?

– Конечно, считаю. Но как бы вам это сказать...

– А никак не сказать... Скажите только «да» или «нет».

Я сказал «да». Юшенков оформил выдвижение наилучшим образом. Нашел артистов, и они гимн с моими словами спели и записали на компакт-диск. Он же собрал пресс-конференцию, на которой журналисты спросили, не кажется ли мне мой текст слишком смешным, чтобы всерьез претендовать на государственное признание. Я ответил так: – Некоторые считают мой текст смешным, но он не смешнее текста другого автора, готового услужить любому режиму. С достойным восхищения цинизмом он воспекает то Сталина, то Ленина, то Господа Бога. Цинична и власть, принимающая услуги такого сочинителя. И петь сочиненные им слова можно только цинично, без малейшего к ним уважения, а над всем, что недостойно уважения, можно смеяться, во всяком случае, до тех пор, пока

это не запрещено Уголовным кодексом. Когда будет запрещено – станет еще смешнее...

А вот мнение о моем тексте самого Юшенкова:

«С моей точки зрения, слова Владимира Войновича в большей мере соответствуют тем реалиям, которые сегодня есть в нашей стране, они отражают историю страны. Некоторые говорят, что это написано с чувством юмора, но жизнь – она без юмора и не бывает, а разве не юмор, когда принимают в качестве гимна музыку Александрова, которая

была фактически написана как гимн большевиков, и к тому же, уже доподлинно известно, что это, фактически, музыка, которая является плагиатом немецкого композитора, потом одного русского композитора, надерганы из этих мелодий разные музыкальные фразы, и так получился этот так называемый гимн?..»

Накануне обсуждения альтернативных текстов в Думе мне позвонил какой-то протокольный кремлевский чиновник и вкрадчиво поинтересовался, действительно ли я считаю свой текст достойным принятия его в качестве государственного гимна.

– Да, – сказал я. – А что?

– Нет, нет, ничего, – быстро ответил чиновник. – Я просто хотел узнать у вас, не действует ли Юшенков без вашего одобрения.

Я сказал, что не действует.

– Ну-ну, – ответил чиновник, как мне показалось, со скрытой угрозой и повесил трубку. Некоторые «народные избранники» были очень недовольны тем, что мой текст приходится все время обсуждать, и сильно ругались: Губенко выразил уверенность, что мне за мой текст где-то хорошо заплатили. Он был прав. За свою работу я получил в «Известиях» гонорар. Но не такой уж большой, чтобы Губенко лопнул от зависти.

А текст мой в Думе все-таки был поставлен на голосование и получил 23 голоса из 450... Это случилось, кажется, в июне 2001 года, а мне пора возвращаться в декабрь 1943-го, к моим родителям и гусю Гулькие.

Продолжение следует